

УДК 82.085:37

М. Д. Ваджибов

**КНИГА Р. Г. ГАМЗАТОВА «МОЙ ДАГЕСТАН» КАК РИТОРИЧЕСКИЙ
ВОСПИТАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНСКОГО СТУДЕНТА
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА)**

В настоящей статье рассматривается вопрос о целесообразности использования прозаической книги великого поэта Расула Гамзатовича Гамзатова «Мой Дагестан» в качестве риторического воспитателя дагестанского студента, что особенно актуально в начале XXI века в условиях глобализации современного мира.

Ключевые слова: «Мой Дагестан», риторический воспитатель, традиции горцев, современная дагестанская студенческая молодежь.

M. D. Vadzhibov

**THE BOOK OF R. G. GAMZATOV “MY DAGESTAN” AS A RHETORICAL
TEACHER OF A MODERN DAGESTAN STUDENT
(ON THE 90TH BIRTHDAY OF THE POET)**

In this section, dedicated to the 90th anniversary of the national poet of Dagestan Rasul Gamzatov Gamzatovich justifying the need to address book “My Dagestan” as a rhetorical teacher of modern Dagestan student, which is particularly important at the beginning of the XXI century in a globalized world. In this case, the relevance of the research problem, we reaffirm various examples, referring to the text, and based on experience.

The book presents a variety of rhetorical means resorted to by the author, and which contribute to creating a model of speech. These are numerous repetitions, the abundance of adjectives and metaphors, parables, legends, were, say authoritative sources, facts, memories, poems, etc. All this is claimed in the Dagestani society as a role model in order to maintain a credible verbaliku specific kind of compact coexistence of peoples to relatively small area.

In the paper, we appeal to the statements of a number of well-known experts on national philology and oratory, the words of which makes the job fair and thought out. Emphasized the use of books in the classroom for rhetoric, and determined how to interest students of Dagestan for study of this work of the great poet. The essential is the implementation in practice of the advice and regulations, which are reflected in the pages of the book.

The work of R. G. Gamzatov is seen as a handbook for eloquence, as in his prose work of the poet obviously embraced many aspects of the rhetorical dimension in Dagestan. True, the great master of words does not use the term “rhetoric”, which is explained in relation to these concepts in the Soviet era. Despite this, the book reflects all stages of the speech, the most important of which was for the poet postkommunikativny stage – the so-called reflection.

On the content of the article can be seen, thanks to the book as possible to behave in different situations, including in cases of force majeure. This tip is a demand of the times. And the book is full of such clues, which artistically painted the whole story and all the traditions of the country of the mountains – the Republic of Dagestan. Significant here is the moral aspect of the book, which is highly regarded due to the fact that it aims not only to edification, but also to preserve the traditions and calls for the purchase of a new positive. Therefore, his book teaches modern poet Dagestan college students expressive public or private speech, citing local examples of such statements.

Keywords: “My Dagestan”, rhetorical educator, Highlanders tradition, modern Dagestan young students.

В настоящей статье мы затрагиваем филолого-педагогический аспект – риторическую сторону книги Расула Гамзатовича Гамзатова «Мой Дагестан» – так называемые речевые воспитание и образование, которые в ораторском искусстве нами рассматриваются как тождественные понятия, фактически выполняющие одни и те же функции.

Про Р. Г. Гамзатова написано большое количество критических работ, по его произведениям защищены диссертации, его труды изучают в школах и вузах, однако риторика

творчества поэта в тех публикациях, разработках и методических установках не была отражена – гамзатовское красноречие до сих пор не стало объектом специальных исследований. В принципе сам автор также не пользовался термином «риторика». Это связано с тем, что в Советском Союзе данный предмет не рассматривался как обязательная для изучения дисциплина, которая воспринималась негативно и находилась под запретом как не подходящая для социалистического воспитания. В настоящее время понятие

«риторика» прочно вошло в наш речевой обиход, и мы само сочетание «*риторический воспитатель*», возможно, употребляем впервые. В нашем понимании **риторический воспитатель** – это тот же воспитатель, основная и, возможно, единственная роль которого состоит в обучении красноречию. Применение данного нового сочетания мы аргументируем тем, что оно имеет право на существование так же, как и сочетания «*риторический вопрос, текст, аспект, тренинг*» и пр., «*риторическая выразительность, культура, грамотность, речь*» и пр., «*риторическое восклицание, воспитание, образование, мышление*» и пр. При этом значение нашего термина шире значений остальных выделенных выше курсивом словесных конструкций.

Описание анализируемого вопроса нами, прежде всего, объясняется тем, что поэт в своей Книге, которая заслужила, чтобы ее писали с прописной буквы, постоянно опирался на риторические правила, методы, приемы и способы. Для автора новым являлось, по сути, и обращение к прозе, в которой часто по привычке прибегал к любимой поэзии: «*Да, моя поэзия, сколько бы я ни сравнивал ее с поднебесьем, была для меня моей нивой, моей пашней, моим тяжелым трудом. Прозы я не писал совсем*» [6, с. 14]. Опыт работы со студентами привел нас к выводу о том, что именно проза в современных условиях больше востребована при риторических установках для выработки нравственно-этических правил общения.

Какие же риторические средства нами обнаружены в Книге? Это многочисленные стилистические повторы (анафора – «**Я не видел большого мира. Я не воспитывался в больших городах. Я не был обладателем большого добра и богатства**» [6, с. 121]; эпифора – «**Говорили и пили. Смеялись и пили. Пели песни и пили**» [6, с. 178]; анадиплозис – «**Враги меня убьют. Убьют они и моих друзей**» [6, с. 287]; симплока – «**Может ли**

быть свадьба без песни, может ли пройти день без песни, может ли прожить человек без песни?» [6, с. 329] и др.), различные тропы и эпитеты (ср.: «*огненно-горячий цветок...*» [6, с. 44]; «*виртуозное проклятие*» [6, с. 51]; «*В этих “хлопковых” условиях ставить “пшеничную” пьесу было никак нельзя*» [6, с. 75]; «*Уникукульские груши, гимринский виноград, бузринский мед, аварские песни*» [6, с. 102] и др.), частое употребление притч [6, с. 24, 71, 72 и др.], обращение к тостам, анекдотичным случаям, смешным историям, авторитетным источникам, реальным фактам, ярким речам и пр. Вот что писал литературный критик Камал Абуков в 1975 году о «**Моем Дагестане**»: «*Вторая книга представляет собой калейдоскоп фактов, документов, справок, извлечений из разных источников, высказываний, событий, имевших место в истории*» [1, с. 419]. Такая констатация дает нам право исследовать риторический аспект книги, а студенту, будущему оратору, помогает чувствовать себя уверенным во время публичного выступления, обеспечивая необходимым и удачным материалом с помощью Книги.

Нам думается, что в начале XXI века в условиях глобализации, в период, когда происходит взаимодействие, взаимопроникновение культур, в современном обществе менее популярная цивилизация, которой следуют маленькие этносы, может исчезнуть. Не случайно читаем: «*Ручеек, добежавший до моря и увидевший перед собой неоглядные голубые просторы, и смешавшийся с этой великой голубизной, не должен забывать тот родник высоко в горах, от которого начался его путь по земле, и весь тот каменистый, узкий, порожистый, извилистый путь, который пришлось преодолеть*» [6, с. 42]. Это означает, что надо всегда думать о прошлом и не забывать о нем. Продолжая данную мысль, обратим внимание и на такие слова: «*Запомни, Расул, что я тебе сейчас*

скажу: если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки» [6, с. 129]. К вышесказанному добавим и следующее: «Времена меняются и жизнь тоже. Изменились не только головные уборы (фуражки вместо папахи), но и мысли под шапками у молодых людей. Смешиваются разные крови, разные племена и народы. Могилы наших сыновей все дальше и дальше от отцовских аулов...» [6, с. 246]. В такой ситуации действительно имеет место смешивание культур, а «дагестанская цивилизация» находится под угрозой исчезновения. Поэтому необходимо руководство, в котором отражены риторические средства, как сохранять традиции и противостоять мировой экспансии, не всегда влияющей на социум положительно. Автором такого пособия мы считаем поэта, который известен во всем мире и как прекрасный сочинитель лирических стихотворных текстов, и как прозаик, перу которого принадлежит и книга «Мой Дагестан», рассматриваемая нами и как «международный» паспорт горца-дагестанца, и как портрет поликультурного дагестанского общества, на сравнительно маленькой территории которого компактно проживают более тридцати наций и народностей.

Известный в республике поэт и критик Магомед-Расул пишет: «Мир знал много гамзатовских книг: от серийных, массовых до подарочных. Но книга, которую вы держите в руках, представляется мне наиболее уникальной из всех книг нашего знаменитого земляка: в ней Гамзатов выступает как поэт и прозаик, как публицист и политик, как ученый и философ, как волшебник и маг. Я несколько не утрирую» [6, с. 5]. Как видим, поэт как артист выступал в различных ампулах. Кроме этого, по нашему убеждению, он выполнял и роль философа-воспитателя и ратора-воспитателя. В этом ракурсе не излишне определить, что такое риторическое воспитание в современном обществе. По сло-

вам В. И. Аннушкина, «Речевое (риторическое) воспитание не есть воспитание “контактности” или “коммуникабельности”, оно предполагает прежде всего философичность и образованность, ответственность за сказанное или написанное слово, нравственно-этическую основу поступков» [2]. Действительно, главными в риторическом воспитании являются указанные выше качества.

На наш взгляд, невозможно воспитывать человека риторически, если не учитывать то, что красноречие тесно связано с литературой. Поэтическое или прозаическое слово – это практический инструмент для риторического воспитания. Еще В. В. Виноградов писал: «Риторика, как дисциплина, издавна, еще с эпохи античной культуры, была поставлена в связь и взаимодействие с поэтикой» [5, с. 98]. Это говорит о том, что риторическое воспитание (образование или культура) невозможно без художественного слова, потому что, по образному выражению Ю. М. Рождественского, «художественная литература стала пониматься как основной источник новой стилистики, как “властительница дум”» [12, с. 53]. При этом следует учитывать, что стилистика зародилась как бы из недр «умирающей» риторики, подтверждением чего служит следующее высказывание: «Стилистика, появившаяся в середине прошлого столетия, отмечает своим рождением научную смерть риторики... Стилистика была призвана, по сути дела, выполнять и задачи умершей, вытесненной ею риторики...» [10, с. 92], а художественная литература действительно пользуется средствами ораторского искусства. Сама теория литературы возникла на основе риторики [10, с. 31]. Лексическая ортология при толковании того или иного нормативного понятия обычно опирается на примеры из классических художественных произведений, которые изобилуют цветами красноречия. При объяснении же какого-нибудь экзотического слова,

которое распространено в Дагестане, но не известно в большинстве стран, достаточно пролистать Книгу. Риторика также может привести примеры из Книги для обоснования того или иного теоретического положения. Поэтому дагестанская «**властительница дум**», каковой, несомненно, является Книга, пользуется своим исключительным правом учить человека говорить. Это еще один довод для определения Книги в качестве риторического руководства.

В настоящее время читать художественную литературу не модно – молодежь, прежде всего, увлечена общением-перепиской в Интернете. Несмотря на это, мы советуем дагестанским студентам превратить величайший труд великого поэта в настольную книгу. Это очень важно в силу того, что благодаря данной Книге мы сумеем сохранить свою самобытную культуру, традиции которой выработывали веками и передают из поколения в поколение. По мнению Х. И. Магомедовой, третью часть анализируемого произведения называют «**Конституцией горца**» [9]. Соглашаясь с такой точкой зрения, мы отмечаем, что «**Мой Дагестан**» для студентов республики действительно является **Конституцией горца**, который чтит обычаи родного края и умножает знания. Не случайно в апреле 1997 года Р. Г. Гамзатов выступил с речью, которая была названа *Конституцией горца* или *Речью на Конгрессе соотечественников* [6, с. 389–397], являющейся специфическим местным материалом на злобу дня.

В «**Конституции горца**» читаем такие слова: «*Нелегкой судьбой разбросанные по разным странам, краям, городам, собрались мы сюда на первый конгресс соотечественников. Мы говорим на разных языках, у каждого свое восприятие и понятие тех или других проблем. Возможно, будут боление мыслей и столкновение чувств, непримиримость суждений и несогласие друг с другом. Но на каком бы языке мы ни гово-*

рили, какие бы песни мы ни пели, как бы наши суждения ни расходились в частностях, нас объединяет одно — любовь к Дагестану. В этом у нас разногласий нет. И это главное. Это нас объединяет, это дает нам силы, уверенность и мудрость» [6, с. 391]. Данная мысль об отношении к Родине часто повторяется в «**Моем Дагестане**» [6, с. 15, 63, 233, 239 и др.], что является еще одним фактором, подтверждающим риторичность рассматриваемой Книги. При этом автор прибегал и к рефрену, демонстрируя излюбленный прием анафоры, который в данном примере частично нарушается посредством инверсии: «*Я думал о Дагестане, путешествуя по Индии*» [6, с. 32]; «*Думал я о Дагестане и в буддийских храмах Непала...*» [6, с. 32].; «*Думал я о Дагестане и в Африке*» [6, с. 33].; «*И в других странах...думал я о Дагестане...*» [6, с. 33].

С нашей точки зрения, психологически и риторически оправданным при воспитании всесторонне развитой личности является высказывание Р. Г. Гамзатова, который «*считал, что человек не должен быть тенью времени, он должен быть факелом времени*» [7, с. 346]. К этой мысли поэт пришел не сразу. Вот как писал он в первой книге «**Моего Дагестана**», которая впервые была опубликована в 1968 году: «*Если говорить серьезно, я был тенью времени. Известно же: какова палка, такова от нее и тень... Я был тенью времени. Я не знал тогда, что поэт не может быть тенью, что он всегда огонь, источник света, независимо от того, слабенький ли это огонек или большое солнце. Свет не отбрасывает тени, от света — только свет*» [6, с. 78]. Развиваясь и получая определенную позитивную информацию, человек должен прийти к правильному, истинному пути, очевидно, — к озарению. Кстати, не случайно в Интернете опубликован перечень «**100 книг**» по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, реко-

мендуемый школьникам к самостоятельному прочтению [11]. В этот список вошла Книга Р. Г. Гамзатова «**Мой Дагестан**», внимательное чтение которой является одним из способов получения образования современным молодым россиянином, адаптированным к условиям глобализации, но при этом не желающим отказываться от традиций. Мы считаем, что важнее Книги Р. Г. Гамзатова, которая учила бы риторическим навыкам дагестанскую студенческую молодежь, трудно найти. Это не высокопарные слова, а объективная реальность, ибо в любой главе, в любом стихотворении, на любой странице, которые даны в Книге, обязательно мы находим намек или указание на то, что перед нами назидание, направленное на воспитание человека.

После прочтения Книги в памяти надолго сохраняются такие жизненные примеры, как употребление в речи пословицы, афоризма, стихотворения собственного сочинения, рассказа об авторитетном дагестанце, реального факта, интересного случая-воспоминания и др., которые могут быть применены в профессиональной деятельности. Нам думается, что наша Книга скорее является практическим пособием. Поскольку сама художественная Книга носит, прежде всего, публицистический характер и, возможно, в основном выполняет познавательную функцию, использование отрывков из рассматриваемого произведения – веление времени, потому что такие тексты являются востребованными. Поэтому, разумеется, следует использовать эти тексты на занятиях по риторике. Так, сначала студентов следует знакомить со статьей «**Об использовании дагестанскими студентами эпитетов из книги Расула Гамзатова “Мой Дагестан”**», опубликованной в специальном сборнике [3, с. 157–165], затем с воспитательной целью можно использовать эту публикацию на занятии по эпитетам – молодые люди сделают анализ указанного научного материала [4, с. 70, 180–190]. Кроме того,

надо предлагать студентам проштудировать притчи, образцы речей, стихотворения, истории, изобразительные и выразительные средства из Книги. К примеру, при изучении темы «*Социально-бытовое красноречие*» студенты находят в Книге притчи, узнают, чему они посвящены, и приходят к определенным выводам при наличии альтернативы выбора ситуации [4, с. 59]. И таким прозаическим арсеналом с поэтическими элементами можно воспользоваться в форс-мажорных обстоятельствах, опираясь на следующее высказывание, которое дано в самом начале Книги в качестве эпиграфа к первой главе «**Вместо предисловия. О предисловиях вообще**»: «*Когда проснешься, не вскакивай с постели, словно ужаленный, сначала подумай над тем, что тебе приснилось*» [6, с. 9]. Данные слова можно интерпретировать по-разному. На наш взгляд, это прежде всего означает, что не стоит торопиться, если готовишься к чему-то грандиозному... При этом поэт дает комментарии к эпиграфу как начало текста Книги, суть которых заключается в содержании выражений «*Поспешишь – людей насмешишь*», «*Тише едешь – дальше будешь*», «*Семь раз отмерь – один раз отрежь*» и др. Следует отметить, что автор начинает Книгу риторически: в красноречии обычно принято излагать материал подготовившись, выступление экспромтом не всегда продуктивно.

На основе «**Моего Дагестана**» студенты могут разрабатывать тексты публичных выступлений о речевом или физическом поступке дагестанца, для чего можно опираться на отраженные в книге многочисленные исторические примеры, стихи, сказки и легенды. К примеру, темой речи могут быть сказки. По мнению автора Книги, «*Половина дагестанских сказок, – это сказки о смелом юноше, который убил дракона и принес огонь, чтобы в ауле было тепло и светло. Вторая половина дагестанских сказок – о мудрой девушке, которая хитростью усыпила дракона*

и принесла воду, чтобы в ауле напились люди и чтобы оросились поля» [6, с. 232]. Такие героические поступки, изображенные в тексте в форме параллелизма, в настоящее время совершают те молодые люди, которые являются патриотами нашей Родины и, несомненно, получают качественное вузовское или домашнее родительское образование.

Желательно проводить в форме риторических тренингов различные игры, которые можно найти и на страницах бесценного шедевра: «В одном горном ауле есть детская игра, которую можно назвать так: **“Кто ищет, тот найдет, кто найдет, тот получит”**. Однажды я участвовал в этой игре. Мальчика отсылают в другую комнату, чтобы он не видел, куда спрячется одна из девочек. Вдобавок ему завязывают глаза. Мальчик приходит и начинает искать. Все хором поют: “Ай, дай, дала-лай”. Когда мальчик ищет не там, поют печально и тихо. Когда он на верном пути, поют оживленно и весело. Когда он находит девочку, все хлопают в ладоши и заставляют их танцевать. Так песня выводит мальчика с завязанными глазами на правильную дорогу и приводит к желанной цели» [6, с. 359]. Или: «Еще раз я должен вспомнить нашу бесхитростную народную игру. Она называется у нас **“бакиде рахьин”**. Это состязание в лиричности, соревнование в остроумии, в умении найти нужное и скорое слово – вот что такое эта игра. В каждом ауле Дагестана знают ее. В зимние долгие вечера собираются в чьей-нибудь сакле аульские юноши и девушки. Не пьют водку, не режутся в карты, не лузгают семечек, не охальничают, но играют в поэзию. Это ли не прекрасно! Появляется палочка. Она оказывается в руках у девушки. Девушка дотрагивается палочкой до юноши и поет...» [6, с. 327]. Такие игры психологически оправданы, и они помогут тем, кто ведет себя в коллективе скованно. Это и специальная под-сказка для тех, кто хочет избавиться от вред-

ных привычек. Кстати, к примеру, в современном Дагестане большинством юношей и девушек приветствуется отказ от спиртных напитков и курения.

Интересно и назидательно выглядят те советы, которые в Книге адресованы одному дагестанскому критику. Эти советы можно рекомендовать и большой армии студенческой молодежи Страны гор: «Я воздержусь от высказываний о критике, но несколько советов ему хотелось бы дать. 1. Плохое всегда называй плохим, хорошее называй хорошим. 2. Если похвалишь, то потом не ругай то же самое; если поругаешь, то потом не хвали. 3. Не старайся сделать из мухи слона, но еще менее тщись превратить слона в муху. 4. Говори о том, что в книге есть, а не о том, чего в ней нет. 5. Не призывай авторитеты, начиная с Белинского, чтобы утвердить и подтвердить свои мысли. Если эти мысли действительно твои, старайся утвердить их собственным разумом. 6. Ясные мысли выражай ясным и понятным языком. Неясные мысли не выражай вовсе. 7. Не будь флюгером, который колеблется вместе с ветром. 8. Не старайся внушить другим то, чего не понимаешь пока что сам. 9. Если у тебя в кармане нет ста рублей, то не притворяйся, будто ты их имеешь. 10. Если ты давно не был в родном ауле и не знаешь, как там идут дела, не утверждай, будто только что возвратился из родного аула. Эти мои пожелания не новы. Они похожи на первую строку таблицы умножения. Однако если бы каждый критик их добросовестно исполнял, у нашей критики было бы куда больше достижений» [6, с. 210–211]. Все советы риторичны и правильны, и они будут актуальны и через десятки, сотни лет.

Не менее интересны и поучительны и следующие пожелания поэта: «Если в моей книге ты увидишь мысль, которая ночевала уже раньше в чьей-нибудь другой книге, выбрось ее из своего сознания, как когда-то

в горах выбрасывали невесту после свадебной ночи, если она не сберегла до времени своей чести. **Если** в моей книге ты найдешь верную мысль, подчеркни ее. **Если** же найдешь неверную – подчеркни дважды. **Если** ты обнаружишь хотя бы крупницу лжи, не медли, выбрось всю книгу целиком – она никуда не годится» [6, с. 213]. Такой анафорический повтор актуален в риторическом убеждении в силу того, что повторенье – мать ученья и человек должен уметь различать правду и ложь, позитивное и негативное, прогрессивное и регрессивное, черное и белое... Если же не замечаешь правильное, созидательное, то о риторическом воспитании и речи не может идти, хотя в неориторике основной функцией оратора является убеждение собеседника любыми способами, в том числе и нечестными.

В Книге мы находим большое количество советов, которые стали крылатыми и которые украсят речь при их уместном применении: «Слово, которое можно сказать в конце речи, не нужно произносить вначале» [6, с. 31]; «Не седлайте чужих мыслей, заведите себе свои» [6, с. 42]; «ГОВОРЯТ: и красивый дом может рухнуть, если стены у него непрочные» [6, с. 47]; «Человек, решивший писать стихи без знания языка, подобен безумцу, который прыгнул в бурную реку, не умея плавать» [6, с. 48]; «Спрашивается, для чего даны человеку глаза, уши, язык? И почему глаз у человека два, уха два, а язык только один? Дело в том, что, прежде чем один язык выпустит в мир со своего кончика какое-нибудь слово, два глаза должны увидеть, а два уха услышать» [6, с. 48]; «Слово, сорвавшееся с языка, – все равно что конь, опустившийся с крутой и узкой горной тропы на привольное ровное место. Спрашивается, можно ли выпустить в мир слово, если оно не побывало в сердце?» [6, с. 48] и др.

А вот как умело построена цепочка при анафорическом элементе: «...**Кроме**

того, не называй какую-нибудь мысль неправильной только за то, что она не похожа на твою! **Кроме того**, на весах взвешивают хлеб, сахар, масло, гвозди, но не любовь! **Кроме того**, метром меряют ситец, высоту комнаты, ограду на могиле, но не красоту! **Кроме того**, тот, кто старается быть самым умным, окажется даже глупее, чем он есть на самом деле! **Кроме того**, я тоже взрослый человек, и хотя бы немного, хотя бы кое в чем верьте мне!» [6, с. 204]. Перед нами, очевидно, специальный прием усиления значимости употребленных восклицательных высказываний – слова старшего всегда считались правильными. Поэтому сказанное взрослым нельзя подвергать сомнениям, так как человек, проживший долгую жизнь и набравшийся большого опыта, не ошибается. Это, возможно, гипотеза, но выглядит правдоподобно, действенно. Соглашаться с мнением акасакала – это своеобразная риторическая культура дагестанцев – в первую очередь, молодых горцев.

Мы думаем, что риторическое образование юноша (или девушка) получит при условии, что он (она) будет читать книги. Не случайно книга, считающаяся источником знаний, для поэта являлась авторитетным кладезем, откуда следует черпать необходимый материал. В «Моем Дагестане» читаем: «**Для того чтобы узнать самих себя, нужна книга. Для того чтобы узнать других, нужна книга. Народ без книги похож на человека, бредущего с завязанными глазами, он не видит мира. Народ без книги похож на человека без зеркала, ему нельзя увидеть свое лицо**» [6, с. 363]. Используя анафору дважды, поэт убеждает читателя в необходимости заниматься по книгам. С этой целью он обращался и к следующей мысли: «У самого Шамиля была большая библиотека. Двадцать пять лет на десяти мулах возил он ее с места на место. Без нее он не мог жить. Потом на горе Гуниб, сдаваясь

в плен, Шамиль попросил, чтобы ему оставили книги и саблю. Живя в Калуге, он постоянно просил книг. Он говорил: **“По вине сабли проиграно много битв, но по вине книги – ни одной”**» [6, с. 369]. Слова Шамиля подсказывают нам, что благодаря книге мы всегда победим, благодаря книге мы познаем окружающий мир. Как подтверждение этого приведем следующие слова из Книги: *«Отец говорил: “Пиши о том, что знаешь и можешь. А о том, чего не знаешь, читай в чужих книгах”*» [6, с. 373]. Мы бы добавили с иронией: *«Через книгу занимайтесь самообразованием!»*, так как в настоящее время электронные средства информации заменяют все, в том числе и живую вербальную коммуникацию, чего так не хватает всему человечеству. Если была бы развита так масштабно в середине XX столетия Глобальная сеть, то свою Книгу поэт «обогастил» бы и темой виртуального общения в специфической шуточной манере, обращая внимание на эстетический аспект и на нравственно-этические истоки молодежной речи. Обосновываем эти высказывания тем, что автор в Книге описывал весь миропорядок прошлого столетия, так как зорко следил за всеми событиями, а порой сам становился участником. Помимо этого, поэт художественно и досконально анализировал всю историю многонационального Дагестана и действия тех, кто эту историю писал потом и кровью.

Заслуживают внимания те мысли, в которых отражена идея о том, что перед нами как бы первая попытка писателя написать большую прозу. Иначе это можно рассматривать, как поведение неопытного оратора во время подготовки дебютного выступления: *«Нелегко, наверно, было тому человеку, который впервые вспахал небольшой участок земли. Нелегко было и тому человеку, который сочинил самую первую песню. Но если тысячи людей уже вспахали землю, то тысяча первому пахать легче. Если же*

тысяча людей написали стихи, то тысяча первому писать гораздо труднее. Да, земледельцу, в чем-то и моя работа похожа на твою. Поэтому не смотри на меня, пожалуйста, как на бездельника, чья жизнь есть вечное наслаждение и вечный отдых. Длинными бессонными ночами я думаю о своем поле так же, как ты думаешь о своем. Ты выбираешь для сева лучшие семена, я выбираю лучшие слова из всех существующих слов. Из тысячи мне нужно выбрать одно. И у меня есть своя пашня, свои всходы, которые радуют меня, свои плоды труда. У меня есть своя культивация и своя прополка, ибо и на моем поле есть свои сорняки. Трудно отделить, хотя бы и при помощи машины, хорошее зерно от овсюга. Но еще труднее отделить сорные слова от полезных, здоровых, хороших слов» [6, с. 171]. Данная «прополка» очень похожа на элемент элокуции.

Любые монологи и диалоги в Книге риторически направлены на одну цель: на воспитание человека. При этом обстоятельства для речей, в которых учитывается специфика местного способа общения, различны: аульский годекан, встреча на улице, кабинет редактора, записная книжка, собственные и отцовские воспоминания, гостиница, зарубежная поездка и пр. Обращение к авторитету источника является существенным, так как это придает речи, прежде всего, объективную окраску. В роли такого авторитета выступают умудренные опытом и убежденные седины горцы. Это обычно реализуется в форме названия отрывка, фрагмента произведения в первой книге, ср.: *Абуталиб сказал, мой отец говорил, горцев спросили, из разговора на аульском годекане* и др. С одной стороны, перед нами предполагаемый или реальный собеседник, а с другой – обращение к отсутствующим через записную книжку, стихи, письма, через средства диалогизации речи, для чего в тексте удачно подобраны многочисленные риторические во-

просы, обращения и восклицания [8, с. 265] и т. д., ср.: «*Была ли у охотника голова?*» [6, с. 30]; «*Нитку-то в иголку я вдел, но какой беешмет буду шить?*»; «*Струны-то я натянул, но какую песню мне спеть?* (эпиграф к главе «**О форме этой книги. Как ее писать**»)» [6, с. 35]; «*Книга моя, прежде чем тебя начать, я хочу рассказать, как ты прозревала во мне. И как я нашел для тебя название. И зачем я тебя пишу. И какие цели у меня в жизни*» [6, с. 11]; «*Вы правы, горцы!*» [6, с. 11]; «*Дорогой мой Цада!*» [6, с. 16] и др.

Важными, вероятно, для поэта являлись те моменты, когда он волновался из-за кого-то или из-за чего-то, и та оценка, которую получал автор после выступления, то есть после ознакомления читателя с книгой и после его беседы с автором. А вот как это выражено у поэта: «*Писатель живет только для встречи с тобой* (с читателем. – М. В.). *Всей моей жизни сопутствуют три больших волнения. Сначала я волнуюсь перед первой встречей с тобой, в ожидании, в предположении, какой эта встреча будет. Потом я волнуюсь во время самой встречи, что естественно и понятно. Наконец, я волнуюсь после встречи, живя воспоминаниями о ней и стараясь себе представить, какое впечатление я произвел*» [6, с. 212]. Если в начале отрывка дана инвенция, то в последнем предложении – рефлексия (посткоммуникативный этап), считающаяся в неориторике основным этапом работы над речью.

Автор писал о различных людях, определение характеров которых актуально в инвенции: «*Я вижу разные лица читателей. Один наморщил лоб. Где же мне взять слова, чтобы разглядеть эти морщины? У другого на лице гримаса, как будто в рот попало что-то неприятное, несъедобное. У третьего выражение скуки самое страшное, самое безнадежное, что может быть*» [6, с. 212]. Элемент диспозиции поэт прежде всего дал в названии главы «**Здание этой книги.**

Сюжет» [6, с. 140], сочетание же диспозиции и элокуции мы обнаруживаем в названии главы «**О форме этой книги. Как ее писать**» [6, с. 35] и т. д.

В своей книге Р. Г. Гамзатов рассматривал вопросы о языке, о теме, об идее, о жанре, о создании речи, о форме, о композиции, о способах выступления, об отношении к работе, о манере письма и т. д. Другими словами, поэт так или иначе затрагивал все традиционные и новые критерии разработки этапов работы над речью, а также современные актуальные проблемы дагестанского общества. Для подтверждения указанного дадим несколько примеров:

1. Отношение к языку: «*Я хотел бы писать так, чтобы мои стихи, и эта моя книга, и все, что я напишу, было понятно и дорого и матери, и сестре, и каждому горцу, и каждому человеку, в руки которого попадет моя книга. Я не хочу навевать скуку – я хочу приносить радость. Если же испортится мой язык, сделается холодным, непонятным и скучным – одним словом, если я испорчу мой родной язык, страшнее этого в жизни для меня ничего не будет*» [6, с. 55];

2. Отношение к теме: «*Еще о теме. Тема – сундук с добром, Слово – ключ от этого сундука. Но добро в сундуке должно быть свое, а не чужое*» [6, с. 69];

3. Отношение к способу выступления: «*...вот я стою перед крепостью, которую нужно взять. У меня есть прекрасное оружие, которое не подведет в бою. Крепость – моя тема, оружие – мой язык. Но нужно выбрать способ, которым легче взять неприступную крепость. То ли неожиданно штурмовать, то ли предпочесть медленную осаду*» [6, с. 93];

4. Отношение к идее: «*Так вот что я хочу сказать, – продолжал он, – конечно, хорошо, когда есть идея, а тем более такая, о которой говорил предыдущий оратор*» [6, с. 28];

5. Отношение к работе:

«ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОТЦА. *Один горец пришел к отцу и сказал:*

– *Я попробовал и убедился, что могу сочинять. Но я не знаю, что нужно, чтобы писать настоящие стихи.*

Отец ответил:

– *Мало уметь настроить скрипку, нужно уметь на ней играть. Мало иметь поле, нужно уметь его обработать и засеять.*

– *Что же мне делать, чтобы писать стихи?*

– *Как это что? Работать»* [6, с. 167] и др.

Креативность своеобразной мысли и непохожесть на другие переводческие работы достигаются и благодаря использованию регионализмов и ономастики при описании местного колорита, среди которых очень много слов и выражений из дагестанских языков, ср.: «*Притча о богатом хане, о его сыне и о хинкалах из курдюка с чесноком*» [6, с. 213]; «*...на годеканах каждый хвалит своего скакуна*» [6, с. 255]; «*Цар бугеб, Цар батаги*». Это значит: «*А имя ему пусть принесет слава*»... *Имя без дела – пустой звук*» [6, с. 266]; «*Абуталиб вспоминает: “Каких только зурнистов не повидала наша страна!” Сам он был зурначом партизанского отряда*» [6, с. 282]; «*Аварский мальчишка кричал: “Х1а! Х1а! Х1ама!” А кумыкский мальчишка кричал: “Эш! Эш! Эшек!” И то и другое слово означает “осел”.* Но мальчишки так рассорились, что в конце концов оба упали с осла и остались без *х1ама* и без *эшека*» [6, с. 311]; «*Берите пандур, чонгур, чаган, свирель, кеманчу, зурну, бубен, гармонь, барабан, берите просто таз или медную тарелку*» [6, с. 321]; «*Мать пела о веселом Дингир-Дангарчу, который поднялся в небеса по дождевой струйке*» [6, с. 350] и др. Такая специфика украсит любую публичную речь дагестанского студента, выступающего на русском языке.

В Книге в роли риторического воспитателя выступают многие: имам Шамиль,

критик, читатель, переводчик, редактор, сам автор, родители поэта, горцы, Абуталиб, Сулейман, Эффенди Капиев и другие известные в Дагестане личности. Помимо этого, выработке качественных критериев человеческого общения способствуют воспоминания, различные надписи, предания, истории, притчи, загадки, были, стихи, образцы воспитания детей, почитания стариков и уважения к женщине, воспевание подвигов горцев, клятвы, похвала, правила, советы и т. д. И все это становится достоянием читателей и образцом для подражания, и такая полифония делает конкретную речь увлекательной, красочной, объективной и убедительной. При этом у нас нет сомнений в том, что в Книге даются не только способы риторического воспитания. Таким образом, в «*Моем Дагестане*» представлен обобщенный, собирательный образ дагестанского риторического идеала, который, «*...существуя в рамках одной культуры и исторической эпохи, является общим для носителей этой культуры*» [8, с. 9].

В конце статьи отметим, что мы представили собственное видение исследуемого вопроса и охватили только некоторые аспекты риторического образования и воспитания дагестанских студентов через книгу Р. Г. Гамзатова «*Мой Дагестан*». Фактически в данном произведении зафиксированы все элементы этапов работы над речью – образцы инвенции, диспозиции, элокуции, запоминания, произнесения, рефлексии, а также структура работы, состоящая из трех частей: в последнее издание «*Моего Дагестана*», как мы уже убедились, входят три книги. Результатами обучения учащейся поликультурной аудитории посредством указанной выше прозы должны стать «*...стабильное общественное настроение, упрочение духа, богатство мыслей и разнообразие чувств в жизни людей. Грамотное речевое воспитание гарантирует развитие личности, расцвет внутреннего и внешнего в каждом человеке*» [2]. А это в совокупности есть правила толерантного отношения к окружающим, что предпола-

гает и любовь к собеседнику, ибо «*Человеколюбие – главная сущность литературы*» [7, с. 327], то есть художественной речи, в том числе и Книги «**Мой Дагестан**», в которой и отражаются образцы критериев красноречия и которая способствует риторическому воспитанию подрастающего поколения. Увлекательные игры, необычные эпитеты, прекрасные метафоры, удачные инверсии, уместные повторы, специальные намеки, своеобразные антитезы, меткие сравнения, удивительные афоризмы, выразительные пословицы, креативные обращения к авторитетам, этические формулировки, проявление уважительного отношения к прекрасной половине человечества, детям и старикам, постоянное напоминание о героических подвигах, приведение исторических фактов, перечисление конкретных цифр, прецедентная форма из-

ложения текста и пр. – все это превращает Книгу в учителя красноречия, для которого характерно человеколюбие и который творит для и ради подрастающего поколения, оказавшегося перед выбором после утраты основной идеологии в конце XX века и как никогда нуждающегося в настоящее время в правильной подсказке. Ведь невооруженным глазом видно, что это настоящее руководство, как в перспективе должен вести себя молодой дагестанец во время публичного или частного общения, несмотря на все перипетии в общественной жизни. Вот почему в нашей публикации мы подняли вопрос о целесообразности рассмотрения книги Р. Г. Гамзатова «**Мой Дагестан**» в качестве риторического воспитателя современного дагестанского студента, от знаний которого зависит будущее нашей Родины.

Литература

1. Абуков К. И. Раздумья на берегу реки. О прозе Р. Гамзатова // Гамзатов Р. Г. **Мой Дагестан**. – Махачкала: Дагестан. книж. изд-во, 1975.
2. Аннушкин В. И. Русские классические учения о речи: история и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pereplet.ru/text/annushkin_7.html.
3. Ваджибов М. Д. Об использовании дагестанскими студентами эпитетов из книги Расула Гамзатова «**Мой Дагестан**» // Сучасні проблеми епітетології: зб. наук. праць / [ред. кол.: О. Лещак (голова, наук. ред.), О. Волковинський [відп. ред.] та ін.]. – Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Поділ. нац. ун-т ім. Івана Огієнка, 2011. – Вип. 1.
4. Ваджибов М. Д. Риторика: учеб. пособие для студентов-бакалавров гуманитар. специальностей. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2012.
5. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избр. тр. – М.: Наука, 1980.
6. Гамзатов Р. Г. **Мой Дагестан**. Конституция горца / сост. Г. Расулов. – Махачкала: Дагестан. книж. изд-во, 2002.
7. Гамзатов Р. Г. Суд идет: Стихотворения. Сказания. Поэмы: пер. с авар. – Махачкала: Юпитер, 2003.
8. Ипполитова Н. А. Общая риторика: учеб. пособие / Н. А. Ипполитова, Е. Л. Ерохина и др. – М.: Экзамен, 2012.
9. Магомедова Х. И. Проза Расула Гамзатова [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2010. – Режим доступа: <http://www.dagdiplom.ru/catalog/7/1315>
10. Михальская А. К. Основы риторики. 10–11 кл.: учебник для общеобразовательных учреждений. – 2-е изд., с изм. – М.: Дрофа, 2001.
11. Перечень «100 книг» по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, рекомендуемый школьникам к самостоятельному прочтению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vk.com/doc12086328_150378555?hash=d872013c67290c13ff&dl=c3c0f65070078746c9
12. Рождественский Ю. В. Теория риторики: учеб. пособие / под ред. В. И. Аннушкина. – 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2004.

Literatura

1. Abukov K. I. Razdum'ja na beregu reki. O proze R. Gamzatova // Gamzatov R. G. Moj Dagestan. – Mahachkala: Dagestan. knish. izd-vo, 1975.
2. Annushkin V. I. Russkie klassicheskie uchenija o rechi: istorija i sovremen-nost' [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.pereplet.ru/text/annushkin_7.html
3. Vadzhibov M. D. Ob ispol'zovanii dagestanskimi studentami epitetov iz knigi Rasula Gamzatova «Moj Dagestan» // Suchasni problemi epitetologii: zb. nauk. prac' / [red. kol.: O. Leshhak (golova, nauk. red.), O. Volkovins'kij [vidp. red.] ta in.]. – Kam'janec'-Podil.: Kam'janec'-Podil. nac. un-t im. İvana Ogienka, 2011. – Vip. 1.
4. Vadzhibov M. D. Ritorika: ucheb. posobie dlja studentov-bakalavrov gumanitar. special'nostej. – Mahachkala: Izd-vo DGU, 2012.
5. Vinogradov V. V. O jazyke hudozhestvennoj prozy. Izbr. tr. – M.: Nauka, 1980.
6. Gamzatov R. G. Moj Dagestan. Konstitucija gorca / sost. G. Rasulov. – Mahachkala: Dagestan. knish. izd-vo, 2002.
7. Gamzatov R. G. Sud idet: Stihotvorenija. Skazanija. Pojemy: per. s avar. – Mahachkala: Jupiter, 2003.
8. Ippolitova N. A. Obshhaja ritorika: uchebnoe posobie / N. A. Ippolitova, E. L. Erohina i dr. – M.: Jekzamen, 2012.
9. Magomedova H. I. Proza Rasula Gamzatova [Elektronnyj resurs]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Mahachkala, 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.dagdiplom.ru/catalog/7/1315>
10. Mihal'skaja A. K. Osnovy ritoriki. 10–11 kl.: ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. – 2-e izd., s izm. – M.: Drofa, 2001.
11. Perechen' «100 knig» po istorii, kul'ture i literature narodov Rossij-skoj Federacii, rekomenduemyj shkol'nikam k samostojatel'nomu prochteniju [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://vk.com/doc12086328_150378555?hash=d872013c67290c13ff&dl=c3c0f65070078746c9
12. Rozhdestvenskij Ju. V. Teorija ritoriki: ucheb. posobie / pod red. V. I. Annushkina. – 3-e izd. – M.: Flinta; Nauka, 2004.